

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ И СОЛНЦА

← ГОСУДАРСТВЕННОЕ →
ИЗДАТЕЛЬСТВО → 1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КНИГИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

Воинов, В. — Как я стал писать в газету. Рассказ селькора в стихах. С рисунками. Стр. 58. Ц. 20 к.

Воинов, В. — Смычка. Стр. 66. Ц. 25 к.

Гавриков, А. — Как наши хлеб продавали. Рассказы. Стр. 30. Ц. 10 к.

Гаршин, В. М. — Четыре дня. Рассказ.

Городецкий, Сергей — Из тьмы к свету. Деревенские были. Стр. 24. Ц. 15 к.

Городецкий, Сергей. — Про Ивана-безбожника. Быль. Стр. 32. Ц. 15 к.

Короленко, Вл. — Дом № 13. Рассказ.

Лесков, Н. С. — Тупейный художник.

Лютов, Леонид. — Целина вспахана. С рисунками. Стр. 32. Ц. 12 к.

Морозов, С. — Жизнь учила. Рассказ крестьянина. Стр. 28. Ц. 10 к.

Нефедов, Ф. — Заколдованный клад. Стр. 38. Ц. 15 к.

Орешин, Петр. — Деревенская ячейка. Стр. 16. Ц. 10 к.

Орешин, Петр. — Смена. Рассказы. Стр. 32. Ц. 10 к.

Орешин, Петр. — Солдатка. Рассказы. Стр. 32. Ц. 10 к.

Подъячев, С. — Болящий. Рассказ. Стр. 24. Ц. 8 к.

Подъячев, С. — Исцелитель. Рассказ. Стр. 16. Ц. 6 к.

Л. ЛЕСНАЯ

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ и СОЛНЦА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1926 -- ЛЕНИНГРАД

Обложка и рисунки работы М. Ушакова-Поскочина

Гиз № 11923.
Ленинградский Гублит № 5042.
10 000 экз.

ЧТО БОЛЬШЕ — ЯБЛОКО ИЛИ ЛУНА?

Хороший парень был Василий Спирин, а только спорщик отчаянный. Что ему ни скажи, он все:

— Нет, быть этого не может.

— Да как же, — отвечают ему, — быть не может, если я своими глазами видал?

— Ты видал, — говорит Василий, — стало-быть, ты и верь, а я не видал — и не верю.

И все-то ему надо было своими глазами увидеть и своим умом понять: ничего на веру не брал. Такой уж парень был — недоверчивый.

Такой и с малолетства был, таким и вырос. Лет ему без малого восемнадцать; другие об эту пору уже своим хозяйством обзаводятся, а он ни о чем таком и думать не думает. До работы, — нельзя сказать, — парень жадный, работник хороший: и в поле, и на покосе, и по дому все наладит в лучшем виде, но зато в свободное время ни с девушками не погуляет, ни с гармошкой не пройдет, одно дело знает — книжку читать. Выучил его грамоте отпускиник один. И не то, чтобы, сказать, выучил, а просто буквы показал. Читать Василий выучился сам. И после того, как едет мать в город с молоком да со сметаной, он одну бутылку помечает буквой В.

— Вот, — говорит, — мама, гляди: это моя бутылка. Если ты эту бутылку продашь, так на 10 копеек мне книжку купи.

И мать — ничего, привозила. Только хороших дешевых книг не было, всякую чужь возила она. А потом появились книги по 8 коп., по 10 коп., по 15 коп. А еще погода, изба-читальня в соседней деревне открылась, и стал Василий там книги получать.

Вставили парусок, и лодка заскользила...

Прошлым летом случилось так, что приехал в деревню к отцу своему, крестьянину, горожанин один, учитель городской, приехал ребят учить.

Тут мой Василий к нему и присосался.

Так за ним по следам и ходит. Глядя на него, еще двое — трое пристали, кружок составили. И такие у них пошли беседы, что ночи напролет не спят, бывало, — все наговориться не могут.

А началось вот с чего.

Поехал Василий с отцом своим, Пантелеем Семенычем, на дальний остров на рыбалку. Яков Иванович, учитель,

напросился с ними. Поставили парусок, сиверко дул во-всю, и лодка заскользила, что пароход. На остров приехали к ночи, темно стало. Костер в темноте развели. А попозже луна взошла, и сразу посветтели вода и лес — все как на ладони видать, а в воде луна, как в зеркале, серебрится.

Поглядел Василий в воду и говорит:

— Луна в воде купается. Вот попью воды и проглочу луну.

А Яков Иванович ему отвечает:

— Как тот осел.

— Какой осел?

— А это, знаешь, в древности был такой случай: стоял осел у реки и пил воду, а в воде луна отражалась. В это время случилось лунное затмение. Увидали люди, что луна пропала и закричали: «осел луну проглотил!» Переполох пошел страшный, потому что настоящее никто тогда не знал, отчего оно бывает, затмение-то это самое. Заметались люди, завопили: «пороть брюхо ослу, спасать луну!» Распороть брюхо не успели, как луна — вот она, опять на месте!

Пантелей Семеныч рассмеялся, а Василий говорит:

— А что ж? Почему ослу было и не проглотить луну? И вся-то она с яблоко.

— С яблоко? — хохочет Яков Иванович. — Вот так грамотей! А еще книги читаешь! Знаешь ли ты, сколько верст или километров у луны в поперечнике будет? Знаешь или нет?

— Нет, не знаю, о луне я ничего никогда не читал.

— Так я тебе скажу: около трех тысяч пятисот километров. Если бы мы стали поперек луны укладывать яблоки, нам понадобилось бы десять товарных поездов, груженных одними яблоками. А ты знаешь, товарные поезда какие? Вагонов по тридцать, а в вагоне по тысяче пудов груза.

Василий помолчал, кинул с размаху камушек в воду, будто хотел зашибить эту самую луну, а потом ответил:

— Нет! Не может этого быть.

— Как так не может быть? Ты уж мне поверь, ведь все это высчитано.

— Зачем я стану вам верить? В руках вы что ли луну держали? Почему вы знаете, что она такая?

— Чтобы измерить, не падо в руках держать, можно мерить издали.

— Не может этого быть.

— Как так не может быть? Все это делают.

— Значит, и я могу?

— И ты можешь.

— Вот ежели измерю сам, тогда и поверю.

Стало светать. Луна побледнела, а тучки на востоке порозовели.

— Пора, — сказал Пантелей Семеныч и встал, — клев сейчас начнется.

Загасили костер, котелок ополоснули, уселись в лодку, отчалили.

— Ладно, — усмехнулся Василий, — теперь я вам покою не дам, пока вы меня не научите, как мерить.

— Вот щуку пудовую поймает, вернемся на остров, ушицы поедим, тогда и поговорим.

КАК ФУРАЖКУ ПЯТАКОМ СМЕРИТЬ.

Клев был отличный, только клевала все больше мелочь: окуньки да щучонка попалась одна, фунта в полтора весом. Как солнце взошло, рыбаки наши снова на берег вернулись. Двое сели на бережку рыбу чистить, а Пантелей Семеныч пошел за сучьями для костра.

Василий выпотрошил щуку, вытер руки и встал.

— А ну-ка, Яков Иваныч, показывай измерение.

— Милый человек, дай дух перевести... Рыбу вычистить тоже ведь надо...

— Ладно. Поспеет рыба, — упрямылся Василий.

И вдруг распетушился:

— Нет, уж ты, Яков Иваныч, не отбрыкивайся... Дал слово — держи.

— Вот чудак... так разве ж я...

Василий без всяких разговоров отнял у него нож и рыбу, ухватил его подмышку и стал поднимать с земли. Тот смеялся, упираясь, но делать нечего — пришлось покориться. Яков Иваныч вынул из кармана пятак.

— Гляди. Я измерю свою фуражку этим пятаком, только измерять буду вот как: пятак останется у меня в руках, а фуражка будет вдали. Скажем, что фуражка — это наша луна. И вот гляди, как я, не дотрогиваясь до луны, узнаю ее величину.

Яков Иваныч повесил фуражку на сучок. Потом отошел назад на несколько шагов и стал вытягивать вперед руку с пятаком, стараясь закрыть от своих глаз фуражку. А глядел правым глазом, левый закрыл.

— Видишь, Василий, я стараюсь поставить монету так, чтобы она закрыла фуражку. Если я ее далеко от себя держу, то она не закрывает фуражку: крайчик ее мне виден, а когда руку я сгибаю, и пятак ближе к моим глазам, фуражка совсем закрыта. Вот, теперь я ее совсем не вижу. Возьми - ка, Вася, удочку и смерь удилищем, как далеко от моего глаза пятак и как далеко фуражка.

Василий смерил.

Вышло, что до пятака кусок удилища, а до фуражки как раз целое удилище.

— И теперь что же? — спросил он.

— А теперь, значит, вот что: во сколько раз фуражка дальше, во столько раз она и больше. Давай смерим.

Смерили. Оказалось в шесть раз дальше, и фуражка

в поперечнике вышла, примерно, в шесть раз больше пятака.

— Ну, примерно, — недовольно пробормотал Василий, — примерно — это не дело.

— Видишь, хитрый какой! А ты бы хотел, чтобы не аршином, а удочкой мерить, да чтобы тебе точка в точку все доказать? На то приборы измерительные есть. Там, братец мой, крупинки не пропадет, все он тебе точно измерит, а сейчас и не в точности суть. Я хотел только тебе показать, что, не трогая фуражки руками, я могу ее величину узнать. И показал.

Но Василий не сдавался.

— Показали, потому что мы удочкой могли смерить расстояние. А если мы хотим узнать, какая луна, велика ли она, так ведь удочкой, я думаю, до неба не дотянешься.

— В этом ты прав. Молодец, парень: котелок у тебя варит. А ученые люди, братец, не хуже тебя соображали: и узнали расстояние до луны.

— На поезде туда съездили? — съязвил Василий.

— Эх, ты, голова! Да знаешь, сколько бы ехать надо было, если бы туда поезда ходили? На самом скором поезде, который сто верст в час делает, надо было бы пять месяцев ехать без остановки. Но поезда на луну, конечно, не ходят, и даже на самолете туда не летают. А ученые, сидя на нашей старухе — земле, узнали, как далеко от нее до луны.

— Расскажите как.

В это время Пантелей Семеныч возвратился, неся огромный ворох сучьев.

— Это что же такое? Василий, что же рыба-то? А?

— Рыба?

Василий сразу и не вспомнил, о какой рыбе речь идет, а Яков Иваныч только посмеивался, глядя на него.

— Вы его не спрашивайте, Пантелей Семеныч, он только-что с луны свалился, а там рыбы нет: подохла она там давно.

Но Василий уже опомнился и кинулся поскорей чистить окуньков, которые грудой лежали на траве.

— Долго ли вычистить? Пока ты костер разведешь, все и готово будет.

Пока уха варилась, Яков Иваныч продолжал свой рассказ.

— Сейчас покажу тебе, примерно, как можно расстояние измерить.

— Опять примерно?

— Конечно. Для того, чтобы точно измерить и понимать точное измерение, надо много и долго учиться. А так с налету, только примерно и можно понять. Пантелей Семеныч, идите к нам, будем вместе мерить.

— Чего это?

— Расстояние вон до того дерева, до березы сухой, видите, в конце поляны стоит?

— Как же я вам помочь могу? Шагать, что ли, к березе-то к этой?

— Нет, шагать не надо. Дайте нам бечевочку, найдется у вас?

— Бечевку можно дать, от блесны отвязжу, хорошая бечевка, крепкая.

— Крепкая — неважно. Была бы она метров пять длиной, и хватит с нас.

— Чего это метров? Я на метры не знаю, а что сажень десять в ней есть, так это верно.

— Сажень, примерно, два метра. Значит, веревки у вас больше, чем надо.

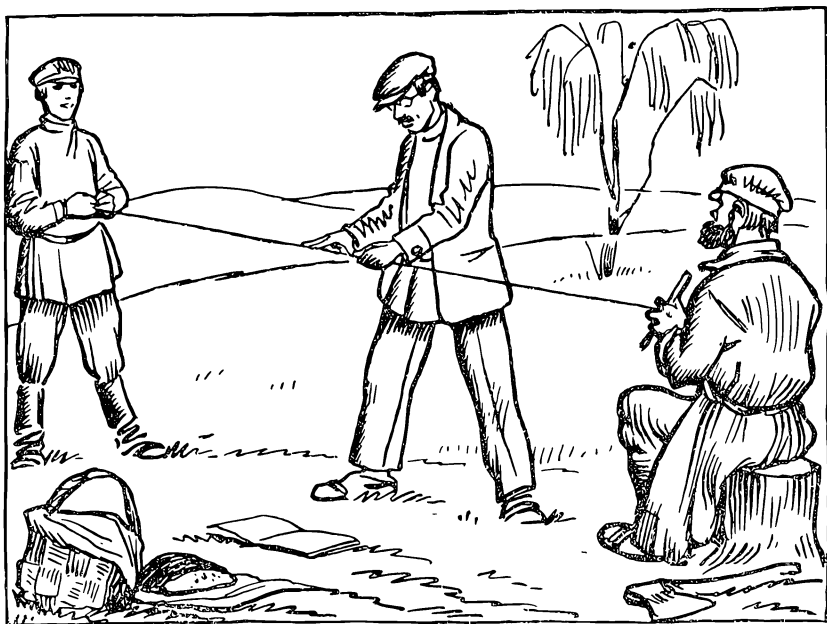
— Так... — сообразил Пантелей Семеныч, отвязывая бечевку. — Еще чего вам надо?

— Еще бы нам две трубочки какие-нибудь,

— Вот уж чего нет, так уж нет, трубочками не богат, я собачьи ножки курю, из газеты скручиваю.

— Да я не о таких трубках говорю, мне надо глазами сквозь глядеть. Из бумаги бы свернул, да бумаги нет с собой.

— Из бересты нельзя ли?

Привязал одну трубку к веревке и стал мерить от нее по веревке.

— Вали из бересты, ладно, — ответил Яков Иванович и вдруг спохватился: — погоди, есть у меня бумага, я забыл, в кармане тетрадка у меня есть!

Он достал тетрадку, свернул две трубки, оставив только самую узкую дырочку, чтобы глазом сквозь видно было. Потом привязал одну трубку к веревке и стал мерить от нее по веревке пальцами.

— Чего это вы так рукой меряете? Что ваша рука в роде аршина, что ли? — спросил Василий,

— Конечно. От кончика большого пальца до кончика среднего 20 сантиметров. Стало-быть, если я пять раз так отложу по веревке — у меня метр получится. Теперь гляди: я отмеряю пять метров и тут вторую трубку привязываю.

— А это для чего?

— Сейчас увидишь. Бери в руки одну трубку, а вы, Пантелей Семеныч, берите другую. Станьте так, чтобы веревку натянуть, и оба глядите одним глазом сквозь трубку на сухую березу. Видна вам береза?

— Видна.

— Не двигайтесь, погодите, мне надо в тетрадке нарисовать, как у вас трубки направлены. Глядите, я рисую в тетрадке нашу веревку, только делаю ее в 25 раз короче, чем она на самом деле. Теперь я подведу тетрадку под твою трубку, Василий, и нарисую, как она от веревки отклоняется, нарисую угол этот самый, что между трубкой и веревкой. Теперь, на другом конце нарисованной моей веревки я наведу твой угол, Пантелей Семеныч.

И Яков Иванович, подставляя тетрадку по очереди под трубки, начертил карандашом углы, которые между трубками и веревкой образовались.

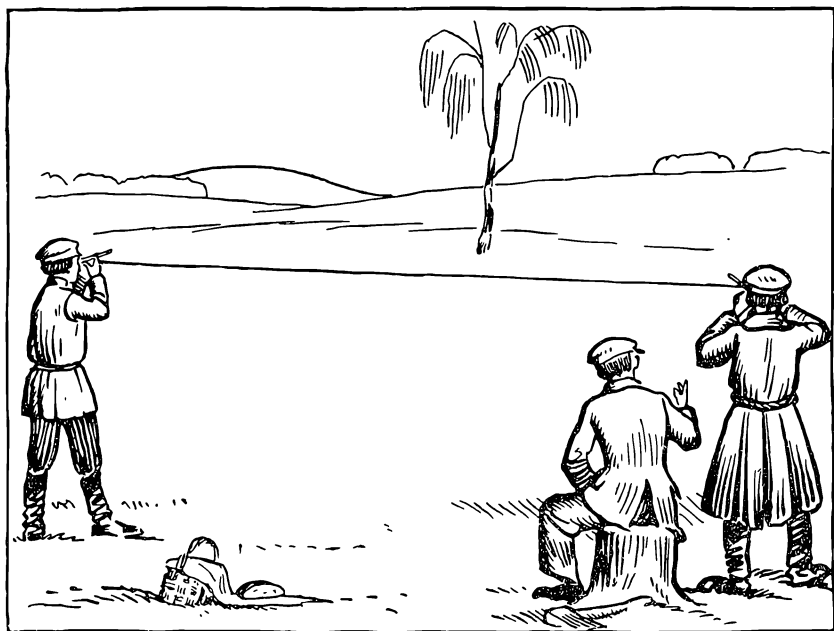
— Как ваши трубки идут вкось, так я на бумаге точно поставил вкось две черты. Теперь глядите: вот на бумаге наша веревка, вот — наши трубки. Глаза смотрели с разных концов, а сошлись на березе. В этом месте стоит наша береза. Смерим теперь сколько в тетрадке от веревки до березы? Примерно, 50 сантиметров. А на самом деле должно быть в 25 раз больше, т.-е. $12\frac{1}{2}$ метров, потому что веревка наша в моей тетрадке в 25 раз меньше настоящей веревки, и весь этот треугольник получился в 25 раз меньше. Теперь, Василий, проверь меня: я говорю, что до березы $12\frac{1}{2}$ метров,

т.-е. шагов 18. Ну, шагай! Проверь, правду ли я говорю.

Василий зашагал.

— 17 шагов! — закричал он, — ошиблись!

— Ошибка есть, потому что шаг твой не измерен, да и все наши трубки и веревки неточны. Все примерно. Один шаг не ошибка, когда так мерить, как мы.

Оба глядите одним глазом сквозь трубку на березу.

— Ну, ладно, — согласился Василий, — верю, что до луны можно поточнее расстояние измерить. Поездом, говорите, пять месяцев надо бы ехать? Верю вам. А до солнца сколько?

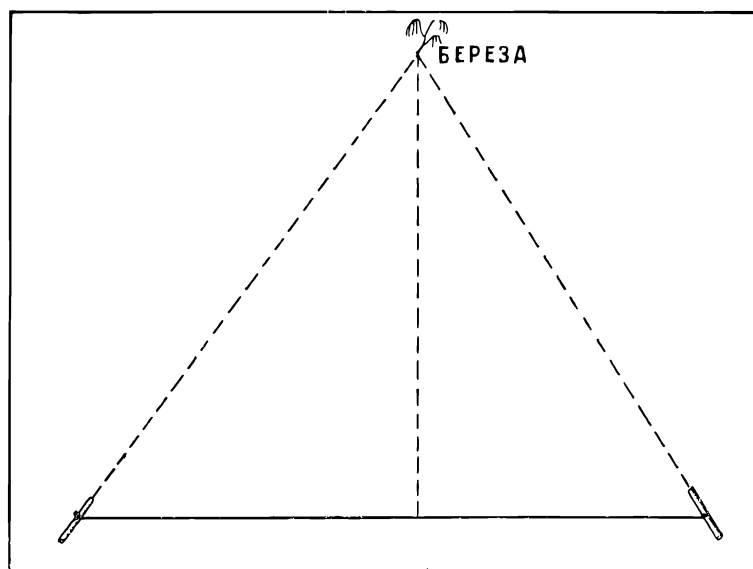
— До солнца двести лет надо бы ехать, вот как оно далеко!

— Этак, пожалуй, за всю жизнь на билет не заработать, — сказал Пантелей Семеныч.

— Билет на луну и то тысяч семь стоил бы, по две копейки за километр считая. А чтобы до солнца доехать, миллиона три пришлось бы заплатить.

— Вот его куда угнало.

— Потому оно кажется нам таким маленьким, что далеко. А ведь на самом-то деле, если измерить его поперек, так окажется, что оно в сто десять раз больше

Вот на бумаге наша веревка, береза и трубки.

нашей земли, а ведь земля-то в поперечнике — двенадцать тысяч километров.

— Примерно? — шутя спросил Василий.

— Нет, — улыбнулся Яков Иванович, — уж это точно, почти совсем точно.

ОПЯТЬ ПРО ОСЛА.

Яков Иваныч сидел в горнице и пил чай. На дворе было холодно, шел дождь и выходить не хотелось. Вдруг в оконце кто то постучался. Яков Иваныч подошел к окну и, глядя во тьму, спросил:

— Кто это? Не вижу.

— Впустите нас, Яков Иваныч, это мы!

Оказались Василий с отцом, Сергей Старцев и Окулькин, — товарищи Василия.

— Пожалуйте. Чайку вместе поьем.

— Спасибо, нам не до чаю. Дело есть.

— А что такое?

— Мы с отцом заспорили чуть не до драки. Разрешите наш спор.

— О чем же?

— Отец говорит, что в четырнадцатом году, перед войной было затмение солнца и оттого война произошла. А я говорю, что не может этого быть, чтобы солнце нашими делами занималось. Да и не живое оно вовсе, солнце-то, что оно может в войне понимать? «А зачем же, — спрашивает он, — затмилось солнце?» А я говорю: наверно загасло, а потом снова загорелось. Он не верит. А Сережка Старцев его сторону держит, говорит к несчастью затмения бывают, это уж всегда. Как по-вашему, кто прав, а?

— Никто.

— А в чем же правда?

— Вот в чем.

Яков Иваныч подошел к стене, на которой висела лампочка, и заслонил ее раскрытой книгой.

— Что, темно?

— Темно, — ответил Василий и сразу же догадался: — это вот и есть затмение, когда что-то закрывает солнце?

— Верно. Это и есть затмение.

— А что же закрывает его от нас?

— Луна.

— Вы ведь говорили, что луна совсем махонькая перед солнцем. Так, как же так? Как она его закрыть может?

— А разве цытак не махонький перед фуражкой, однако, он закрывает ее, если стоит перед твоими глазами.

— Правда, луна ведь ближе к нам, оттого она и закрыть может.

— А если Пантелей Семеныч так про затмение думает, то это и неудивительно. Откуда же ему знать? Древние люди думали даже, что затмение делает чудовище, которое гонится по небу за солнцем и хватает его, хочет проглотить. Они начинали во время затмения кричать, бить палками в медную посуду, подымали страшный грохот, чтобы напугать и прогнать чудовище.

Пантелей Семеныч добродушно усмехнулся.

— Вот, выходит, что я древний человек и есть. Помнишь, как ты про осла рассказывал, что брюхо ему пороть собирались люди? Может, и я бы поверил, что осел луну проглотил: я темный человек.

— Хочешь, расскажу тебе, что от темноты бывало в старину?

— Расскажи, Расскажи...

— Так вы присядьте, ребятки, чаю попьем, покалякаем.

Все уселись к столу, и старушка Марфа Тимофеевна, мать Якова Ивановича, налила чаю и калиток на тарелку положила.

Вот, что рассказал Яков Иванович.

МАТЬ-УБИЙЦА.

В том, что древние люди верили во всяких чудовищ, которые по небу летают и поедают луну и солнце, ничего особенного нет: еще мало было ученых людей, наука только рождалась. Но в наше время уже как-то смешно, видеть людей, которые верят в чертей и во всякую чепуху. А между тем, я сам видел такую женщину, оголтелую, — такой случай с ней, которому и поверить трудно. В древности бывало, что полководец не шел воевать, испугавшись затмения, и враг брал его в плен голыми руками; бывало, что люди кидались в воду со страха и тонули. Один богатый торговец в Африке, пользуясь затмением, негров обжулил: он узнал от ученых, что должно наступить затмение и сказал неграм: «по моему приказу солнце пропадет и навсегда наступит ночь». Они стали его умолять, чтобы он не губил солнца. А он им в ответ: «принесите мне самых драгоценных бриллиантов и жемчугов, может, я вас тогда помилю». Началось затмение, и бедные негры со всех ног кинулись к богачу, принесли ему добытые тяжелым трудом драгоценности и упали на колени, умоляя вернуть солнце. Затмение солнца, конечно, скоро кончилось само собой, а богач показал неграм на небо и говорит: «хорошо, я согласен, давайте камни драгоценные, я возвращаю вам солнце». А в другой раз один знаменитый путешественник попал на остров к дикарям, которые не хотели дать никакой пищи ни ему, ни его спутникам. Был конец февраля. А он был ученый, этот путешественник, и знал по вычислениям, что 1 марта должно быть затмение солнца. Он и говорит дикарям: «если вы мне не дадите пищи, я закрою завтра солнце и не позволю ему освещать вас». На другой день было 1 марта, и началось затмение. Когда дикари увидели, что черный кружок надвигается на солнце,

они перепугались и принесли множество всякой еды. Так путешественник спас себя и товарищей от голодной смерти.

— А почему кружок надвигается на солнце? — спросил Сергей.

— Потому, что солнце закрывается во время затмения луной, а луна круглая.

— Яков Иваныч, скажи-ка, — обратился к учителю Пантелей Семеныч, — как мог ученый знать, что вот в такой день наступит затмение? Я не стану спорить с тобой, что затмение находит от луны, тебе видней, конечно, может оно и так, но только знать этого накануне никто не может, я думаю.

— Чудак ты человек, — рассмеялся Яков Иваныч, — какой мне расчет обманывать тебя? Ученые не только накануне знают о том, что затмение случится, они знают это за много лет вперед. Вычислено уже давно, что каждые восемнадцать лет и десять или одиннадцать дней бывает сорок одно солнечное и двадцать девять лунных затмений.

— Ох, трудно поверить, трудно!

— Был бы ты грамотный, Пантелей Семеныч, я бы тебе показал старый журнал, в 16-м году напечатанный, — там точно указано, что в такой-то день в 18-м году будет затмение. За два года раньше предсказано было.

— И затмение было?

— Конечно, было. Ученые за много лет, заранее знали, что в 14-м году, 8 августа случится затмение и оно случилось день в день, как было сказано, минута в минуту. Знают не только время, но и место, где будет оно полнее видно. И это очень важно знать заранее, потому что можно приготовить все нужные для наблюдений инструменты и поехать в те места, где оно лучше видно. А во время затмения ученые рассматривают солнечную корону, т.-е. лучи света вокруг темного пятна, изучают ее и по ней

узнают о солнце многое, чего иначе нельзя было бы узнать. А в Германии, знаете, насколько вперед высчитали затмения? — На 3000 лет!

— Чудно! Как же узнают-то они?

— Это не так трудно высчитать по движению луны и земли.

Пантелей Семеныч рассмеялся.

— Вот что значит язык у тебя без костей! Чего сболтнул! «Движение земли», говорит... Хотел сказать «солнца», а сгоряча и землю уж задвигал.

— Нет, я не сгоряча, оно так и есть. Двигается не солнце, а земля. Солнце стоит неподвижно.

Тут рассмеялась уж и молодежь.

— Чему вы смеетесь, ребята?

— Ну, и комедный же ты человек! — откликнулась с лежанки старушка, которая в дождливые дни топила печку и спала на лежанке — ноги у нее ломило от ревматизма. — Как же не смеяться? Будто мы солнца не видели и не знаем, как оно восходит, как по небу к закату перекачивается? И на земле, слава создателю, не первый год живем и никуда не уехали с землей-то.

Все опять рассмеялись.

— Чем смеяться, дайте мне лучше объяснить...

— Ну, ребята, — рассердился Василий, — надо раньше об одном кончить, а потом уж и о другом говорить. Дайте досказать Яков Иванычу о затмении. Он начал историю рассказывать, а из-за вас своротил в сторону... Доскажите, Яков Иваныч, прежде про затмение.

И Яков Иваныч снова начал свой прерванный рассказ.

— Стало-быть, говорю я, в древности люди боялись затмения, всякие небылицы сочиняли. Но в наше время, думал я, темных людей все меньше становится, и дикарей не встретишь. На поверку вышло иначе. Было это в 14 году. Я ехал накануне затмения пароходом по Азовскому морю. На пароходе было много пассажиров,

которые целый день толкались на палубе, потому что всем хотелось поговорить о завтрашнем солнечном затмении. Одолевали и любопытство, и какой-то страх. Беспокоились, как бы тучи не надвинулись, как бы дождь не пошел. Среди пассажиров было двое ученых (астрономы они называются, наблюдатели небесных светил). Везли они с собой подзорную трубу с темным стеклом, сквозь которую можно видеть все в увеличенном виде

Она сидела особняком, обнявши девочку...

и глаз не испортить. Советовали они пассажирам закоптить куски простого стекла, чтобы наблюдать затмение, не портя глаз, и целый день все ходили с черными руками, копя стекла над свечками. А среди пассажиров третьего класса была одна женщина лет сорока с девочкой, дочерью. Она очень странно себя вела. То сидела особняком от всех, обняв девочку обеими руками, будто

кто собирался отнять у нее дочь, то кидалась с расспросами о том, когда затмение начнется, да нельзя ли молебен отслужить и отвадить беду. Плакала даже втихомолку и все крестилась. Ужасно испугала ее подзорная труба.

— Что это? Что это? Зачем бесовскую пушку принесли? — спрашивала она.

Ей объяснили, что это за инструмент.

— Грех, великий грех это... великий... — все шептала она. А в чем грех? Что за грех? — Никто толком не мог от нее добиться. Всю ночь некоторые из пассажиров не ложились, ожидая рассвета. А та женщина уж, конечно, глаз не сомкнула — и мало того, что сама не спала, она и другим не давала спать, рассказывая, что было ей видение, и вот-вот сейчас все начнется...

— Да что начнется-то? — спросил я ее.

— Светопреставление. Сначала солнце померкнет, потом падут на землю огненные змеи, зажгутся все горы, море загорится, и все живое погибнет на земле.

— Да будет вам сказки рассказывать, людей смущать, — говорю я ей, — затмение произойдет тихо и мирно. Луна закроет солнце минуты на две, а потом солнце засияет в лучшем виде, и мы все пойдем к столу закусывать.

Куда там! Она и слушать меня не стала — убежала от меня, дочку потащила, старух собрала, стала с ними шептаться. Но вот — началось. Появилась тень, стало темнеть на земле. А по краю неба в это время будто заря разгоралась. Показались розовые облака. Вдруг — точно кто дунул на них и загасил, они пропали, а заря разгорелась ярче — внизу золотистая, потом зеленоватая, выше синяя. Черная тень закрывала солнце все больше, и все вокруг стало синевато-бурым. Как стало темнеть, слышались плач и причитания в той стороне, где нахо-

дилась женщина со старухами. Потом вдруг донеслись резкий крик и плач девочки.

— Ой, не хочу, не хочу! Пусти! Пусти, мама! Я боюсь...

Потом что-то бухнуло в воду, снова — крики и опять — плеск. Кто-то позвал на помощь, но все, занятые затмением, не глядели по сторонам и ничего сразу не могли понять. Потом начался переполох. С кормы кто-то кинулся спасать, хватали пробковые пояса — кто во что горазд, но никого не спасли. В это время затмение уже кончилось, и стали доискиваться, что случилось, расспрашивать очевидцев. Оказалось, что утопилась эта несчастная жепщина: она так боялась «светопреставления», что предпочла лучше умереть, чем пережить его.

— Не хочу, — говорила она своим старухам, — не хочу дочку свою огненным змеям на поругание отдавать.

И бросила дочку в воду, а за ней и сама кинулась. Потом жизнь пошла своим чередом: солнце ясно светило, теплынь была, небо голубое. А они обе лежали мертвые на дне. Из-за чего, спрашивается?

Рассказ этот на всех нагнал печаль. Старушка на лежанке всплакнула даже.

— Д-да... бывает... — протянул Пантелей и встал. — Ну, ребята, двинем-ка по домам: спать пора...

— А про землю, Яков Иванович, когда скажете? — спросил Василий.

— Хоть завтра. Будет погода, пойдем вместе в Лижму червяков копать, поговорим.

На прощанье Пантелей учителя поддразнивает:

— Вот что значит с умным человеком вечерок провести, вот я уж будто и не древний стал, а нынешний.

ВАСИЛИЙ — МЕСЯЦ ЯСНЫЙ, ПАНТЕЛЕЙ — КРАСНО СОЛНЫШКО.

Из Кедрозера ходили рыболовы за червяками в Лижму, за три версты. Смешно кажется? А правда. Не было в Кедрозере червяков хороших. Земля у них, — что за земля? — Одна глина да камни! И если у Савиных в хлеву и можно было когда червяков найти, так разве только самых завалающих — бледные да жидкие, так под пальцами и плывут. А в Лижме и земля черная, и, главное, гора из опилок навалена. В тех опилках черви — первый сорт. Бывало рыбаки так приступом эту гору и берут. Так и копошатся там, лопатами ковыряя закаменелые опилки. На этот раз чудное представление увидали лижемские рыбаки. Знали они Пантелея за степенного человека, молчаливого. Знали сына его Василия за грамотея и до пляски не охочего, а тут вдруг — на поди — кружатся оба на горе чуть не в присядку. То Пантелей столбом стоит, а Василий вокруг него ходит, то отец сына своего обхаживает, ровно индюк индюшку ранней весной. Что за диво? Стали поближе подходить, чтобы послушать, о чем говорят они, — и еще того чудней стало. Слышат, говорит им учитель:

— Теперь ты, Пантелей Семеныч, стой, будто ты — солнце, а я, будто землей, — ходить вокруг тебя буду. А ты, Василий, — луна, и ходи вокруг меня.

Ребятишки, как услышали, не стерпели, прыснули и — брысь во все стороны:

— Пантелей — солнце! Вот так закуска!

Увидал Пантелей, что стоят вокруг и глазек, конфуз взял его:

— Ну, будет, ладно, дома покажешь. — И принялся за дело.

— Нет, ты нам сейчас покажи, — говорит Василий, — пускай их смотрят. Сергей, ты будешь солнцем: стой

и не двигайся, а я, будто землей, вот я хожу вокруг тебя. Так, Яков Иванович?

— Нет, не так. Ты ходить-то ходи, а кроме того, волчком на месте полный круг делай.

— Для чего же так?

— Как же иначе день и ночь будут? Ты вот все лицом да лицом к солнцу. Стало-быть, все день на тебе да день, а на спине твоей все время ночь. Так

Теперь ты, Пантелей, стой, будто ты — солнце ...

не годится. На спине у тебя Америка, там тоже люди живут, — и солнышка и им надобно.

— Верно. Земля вокруг себя оборачивается, потому день и ночь происходят. Этим боком повернулся — тут день, другим боком — здесь день.

И Василий вертелся волчком перед Сергеем, в то же самое время двигаясь вокруг него.

— А оттого, что я вокруг Сергея хожу, делается зима и весна, лето и осень? — спросил Василий.

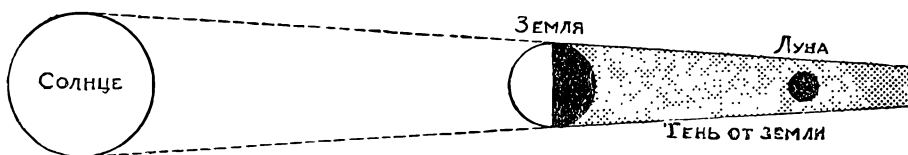
— Правильно. А я за луну, — сказал Яков Иванович, — я вокруг земли хожу.

— А почему, Яков Иванович, луна не греет? — спросил Сергей.

— Потому что она не имеет своего тепла, даже света своего не имеет.

— Луна-то?

— Конечно. Она светит не своим светом, а солнечным. Солнце ее освещает, она и светлая. Возьми в потемках наведи из соседней комнаты свет от лампы на какую-нибудь вещь, хоть на стакан, что ли. Если все остальное будет темное, и только стакан светлый, каждый скажет,

Земля закрыла солнечный свет...

что стакан светится, пока ты не объяснишь, что его соседняя лампа осветила.

— Так. А теперь затмение давайте сделаем. Значит вы, Яков Иванович, когда окажетесь между мной и Сережкой, и закроете его от меня, — стало-быть, солнце мне не видно, и я называю это затмением. Так что ли?

— Так.

— А затмение луны как будет?

— Вот как.

И Яков Иванович стал так, что Василий оказался между ним и Сережкой.

— Земля закрыла от меня солнечный свет, — стало-быть, я потемнел. Ты меня затмил, Василий, вернее не ты, а твоя тень.

— А тень земли тоже круглая, как и луны?

— Конечно, тоже, ведь наша земля круглая, она — шар. И луна шар.

— А солнце?

— И солнце — шар. Только земля и луна — шары затверделые, а солнце все расплавлено, все кипит. И вот, когда...

Тут Сергей перебил его:

— погоди-ка, Яков Иванович, я не понял вот чего. Ты говоришь, что Васька вокруг меня ходит, и на нем от этого делается зима и лето.

— Не на Ваське, а на земле.

— Ну да, на земле, Васька-то, ведь, земля наша. Так вот этого-то я и не понял. Почему это, если земля вокруг солнца ходит, она то жарче, то холоднее становится? Разве солнце с одного бока жарче греет, а с другого холоднее?

— Нет, суть не в этом. А я тебя так спрошу: если летом солнце прямо над головой твоей стоит в полдень, — жарко?

— Жарко.

— А когда оно к закату все ниже да ниже склоняется, — прохладнее становится?

— Конечно.

— Вот в этом-то разгадка и есть. Косые лучи греют слабее, прямые — сильнее. А земля движется вокруг солнца наклонная слегка, — не так как Василий двигается, ровно стоя, а как если бы он подвыпил и косяком пошел. И потому в иных местах попадают на землю лучи прямые и делают лето, потом они идут косее, и помаленьку холоднее делается — осень наступает, потом зима, а затем снова выравниваются лучи, и приходит весна.

— Стало-быть, — говорит Вася, — не могу я землей быть. Я не пьющий и косяком ходить не умею.

Вдруг Яков Иваныч застонал и обеими руками стал скрестить шею.

— Ох, не могу больше, сил никаких нет! Пантелей Семеныч, — закричал он, — как хотите, а я ушел, не могу больше терпеть: мошки загрызли до смерти.

И правда, — мошки черной тучей все время кружились над бедными рыбаками и жалили немилосердно сквозь рубашку, забирались в рукава, забивались в нос и рот.

— Ну, пойдем, пойдем, — согласился Пантелей, разгибая с трудом спину. — Червяки больно хороши, правда, а и мне невтерпех стало от мошек проклятых, затмения на них нет.

— Вот верно, — откликнулся Василий, — нашло бы затмение на недельку, все бы они пропали, правда, Яков Иваныч?

Но Яков Иваныч уже бежал вниз с опилковой горы, раздирая в кровь грудь и руки.

— Пойдем скорей, выкупаемся, — кричал он снизу, — я, говорить, больше не могу, помираю!

Все побежали к реке, окунулись, поплескались и, освеженные, быстро двинулись домой.

ПЕРЕПОЛОХ В ДЕРЕВНЕ.

Настала зима. Как-то Василий был в потребиловке, — мать просила пшена купить да дрожжей. Купил, возвращается, а с почты ему кричат в окошко:

— Василий, зайди-ка на минутку, возьми письмо, в вашу деревню передай.

Оказалось, письмо Якову Иванычу из города. Василий быстрым ходом — домой, знал, что учитель доволен бывает всякой вести городской. Подходит к деревне, издали видит — Яков Иваныч на берегу дрова колет.

— Яков Иваныч, письмо тебе!

Тот, как письмо распечатал да глянул в него —
— Васька! — кричит, — мы с тобой завтра затмение увидим!

— Да не может быть!

— Верно! Из города пишут мне, что 8 февраля будет.

— Солнечное?

— Лунное!

Книжку под мыпку — айда всех оповещать: собирайтесь, мол, завтра к девятому часу на берег озера — будем затмение лунное глядеть.

Батюшки! Что тут пошло! Ребята прыгают, старухи крестятся, молодежь Якова Ивановича на части рвет: рассказывай!

На улицу все высыпали, Яков Иванович опять Сергея — солнцем ставит, Василия — землей, Петра — луной, громко объясняет, все слушают — гам, шутки, смех.

— И чего галдите? — сердито сказал старик Савин, проходя мимо. — За грехи нам это посылается, знамение это нам, чтобы опаматовались мы, надо в тишине встретить чудо. А вы, как на ярмарку, собрались.

— Какое же тут знамение? — спросил Василий, — если ученые его за сто лет предсказать могут? В стачке они с небесами, что ли?

Старик только рукой махнул и дальше пошел. И что он мог ответить? Конечно — ничего.

На другой день с утра шел снег и все небо было закрыто тучами. Ребята ходили, как пришибленные — так они надеялись увидеть затмение, и вдруг — ничего видно не будет. Вот досада! И нельзя будет доказать Савину, что про затмения ученые знают лучше других прочих граждан. Но к вечеру поднялся ветер, тучи понемногу рассеялись, высыпали звезды. На берегу озера, как в праздник какой, ходили девушки с парнями. На крылечках сидели старухи и старики. А собаки лаяли на луну. Спать никому не хотелось.

— Смотрите, смотрите, — сказал Яков Иванович, — на краюшке луны уже показалась тень.

— Гляди! Тень!

Черная тень закрыла край луны и стала медленно двигаться к середине.

— Ох, батюшки-светы!..

— И что же это будет?

— Глянь, Петька, глаз ейный закрыло заслонкой!

— К войне это, что ли?

— К голоду, мать моя, к голоду!

— И не к войне, и не к голоду! — крикнул Василий, — нам Яков Иванович все объяснил. Земля встала между луной и солнцем и свет закрыла. Черная заслонка эта и есть тень земли. И никаких страхов в этом деле нет.

— И вся луна закроется? — спросил Сергей.

— Нет, — это затмение будет частичное. А иногда закрывается и вся луна, — тогда затмение называется полным.

— Медленно как наползает, тень-то.

— Да, она часа полтора надвигается.

Понемногу стали расходиться: кому спать захотелось, кому холодно стало. И на берегу осталась только молодежь. Прошло три часа. Луна медленно освобождалась из тени, и становилось опять светло.

— Солнечное затмение наверное красивее? — спросил Василий.

— Конечно, красивее. Занятнее оно. И многому научить может.

— А чему научить?

— Я говорил уже тебе, что во время затмения вокруг солнца ясно видна корона. Эту корону изучают астрономы и по ней узнают: из чего солнце состоит, что на нем найти можно. И таким путем узнали, что на солнце есть расплавленное железо, есть соль наша...

— Соль, с которой кашу едят?

— Не самая эта соль, а то, из чего соль составлена. И во всяком случае, удалось познакомиться с солнцем лучше, чем раньше, когда не научились еще рассматривать его во время затмений.

— Эх, — вздохнул Василий, — и хорошо же ученым живется! Наставил трубу — и на луну переехал. Надоела луна — землю изучай. Все им видно, все понятно... А мы что? Ничего-то мы толком не знаем...

— А ты как думаешь? — рассмеялся Яков Иванович, — ученые из другого теста, что ли, слеплены, чем ты? У них и ноги, и руки такие же, и хлеб такой же они едят. Хочешь, и ты ученым станешь?

— Я-то? Каким способом?

— Очень простым.

— Ну, скажи, скажи, что делать? Я сделаю.

— Учись.

Василий свистнул:

— Эка! Хватил. Об том я и говорю. Если бы мог я...

— Каждый может. Крепко захочешь — все сможешь: среди ученых много было и есть таких, которые вышли из рабочих и крестьян.

Знаменитый ученый Ньютон, который положил начало точным вычислениям в науке о солнце, луне и звездах, был сыном английского крестьянина, и мать его хотела, чтобы он после смерти отца занялся крестьянским хозяйством, но его тянуло к науке — он в науку и пошел. И таких, как он, немало.

— Трудно это... трудно... — задумчиво ответил Василий.

— Когда в старину ученых на кострах сжигали за науку, им, наверное, тоже нелегко было. Однако, они продолжали свое дело. Одного искалечат — десятки других по его дороге идут. А учиться, конечно, трудно. Все трудно. Землю пахать ведь тоже нелегко.

— Конечно, нелегко,— кто говорит!

Затмение кончилось, и на темном небе ясно светила луна. Все разошлись, и только двое, Василий с Яковом Ивановичем, все сидели на куче оледенелых бревен и говорили о том, как человек побеждает природу, и как он победит ее до конца.

Спать легли, когда уже светать стало.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

В ПОМОЩЬ ИЗБЕ-ЧИТАЛЬНЕ.

Белов, А. М. — Что такое предметный каталог и как его устроить в деревенской библиотеке. (Ленинградский Губполитпросвет.) Стр. 36. Ц. 30 к.

Будрин, В. А. — Крестьянская хрестоматия. Быт крестьян в произведениях русской литературы. Книга для чтения в избе-читальне и школах крестьянской молодежи.

Ч. I. От крепостного права до первой революции. Стр. 276. Ц. 90 к.

Ч. II. От первой революции до наших дней. Стр. 236. Ц. 90 к.

Васильев, Арк. — Как устроить в избе-читальне выставку к перевыборам советов. Стр. 24. Ц. 20 к.

Вера, суеверия и крестьянское хозяйство. Сборник. (Ленинградский Губполитпросвет.) Стр. 169. Ц. 70 к.

Виленкин, А. — Как поставить агитсуд в избе-читальне. Стр. 24. Ц. 12 к.

Виленкин, А. — К практике деревенской политпросветработы. (Кабинет деревенского политпросветчика, его задачи, организация и приемы работы). С рисунками. Стр. 40. Ц. 20 к.

Виленкин, А. — Работа с газетными вырезками в избе-читальне. Стр. 29. Ц. 12 к.

Волотова, Н. — Вечер памяти Ленина в избе-читальне. Стр. 64. Ц. 30 к.

Волотова, Н. — Октябрь в избе-читальне. Стр. 112. Ц. 75 к.

Городцов, А. И. — Крестьянское движение в 1905 году. Стр. 52. Ц. 25 к.

День Красной Армии. Сборник для изб-читален. Под редакц. Е. Аржекаева. Стр. 128; 6 отд. приложений. Ц. 1 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

В ПОМОЩЬ ИЗБЕ-ЧИТАЛЬНЕ

Деревенская политпросветработа. Материалы I Ленинградск. Губернск. Съезда избачей. Обработаны А. Г. Тарасовым. (Ленинградский Губполитпросвет.) Стр. 198. Ц. 1 р. 40 к.

Левин, Н., и Белоусов, В. — Наука против религии. Иллюстрированный доклад-беседа для изб-читален. Стр. 38. Ц. 25 к.

Маторин, Н. — Октябрь и деревня. Стр. 28. Ц. 12 к.

Международный день кооперации. Сборник материалов для изб-читален. Под редакцией П. В. Дашкевич. Стр. 196; 16 табл. с иллюстрац. Ц. 1 р. 10 к.

Международный юношеский день. Сборник для изб-читален. (Ленинградский Губполитпросвет.) Стр. 57. Ц. 30 к.

Первое мая в избе-читальне. Сборник материалов. С 12 приложениями. Стр. 65. Ц. 55 к.

Праздник урожая. Сборник для изб-читален. (Ленинградский Губполитпросвет.) Стр. 114. Ц. 50 к.

Работа избача в резолюциях, инструкциях и положениях, разработанных I Ленингр. Губ. Съездом избачей. Стр. 61. Ц. 20 к.

Садникова, С. — 1905 год. Книга для чтения в деревне. С иллюстрациями. Стр. 108. Ц. 50 к.

Художественный доклад в день Ленина в избе-читальне. Стр. 56. Ц. 25 к.

Шиллингер, Ольга. — Двадцатилетие 1905 года. Сборник для избы-читальни. Стр. 124. Ц. 90¹/₂ к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КНИГИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

Подъячев, С. — Пастырь и овцы. Рассказы. Стр. 24.
Ц. 8 к.

Подъячев, С. — Случай с портянками. Рассказ.
Стр. 24. Ц. 8 к.

Подъячев, С. — Сон Калистрата Степаныча. Стр. 24.
Ц. 10 к.

Подъячев, С. — Спасли святыню. Рассказ. Стр. 24.
Ц. 10 к.

По новому пути. — Сборник деревенских рассказов.
С 11 рис. Стр. 52. Ц. 15 к.

Сейфуллина, Л. — Мужичий сказ о Ленине. 3-е изд.
Стр. 15. Ц. 5 к.

Салтыков (Щедрин), М. Е. — Портной Гришка.

Салтыков (Щедрин), М. Е. — Развеселое житье.

Салтыков (Щедрин), М. Е. — Сказки.

Салтыков (Щедрин), М. Е. — Тетенька Анфиса Порфирьевна.

Толстой, Лев. — После бала. Рассказ.

Тургенев, И. С. — Певцы. Рассказ.

Тюханов, А. — Ёжик. Рассказ. Стр. 24. Ц. 12 к.

Успенский, Глеб. — Пятница. Рассказ.

Устинов, Г. — Пропащие годы. Рассказы. Стр. 40.
Ц. 10 к.

Четвериков, Дм. — Самовар. Рассказы. С 2 рис.
Стр. 32. Ц. 12 к.

15 коп.

к